

МАНИФЕСТЫ/АНТИМАНИФЕСТЫ ФЕМИНИЗМА В БЫВШЕМ СССР

Почему феминистки Украины и России не объединились против войны?

Надежда Ажгихина

Происшедшая в 90-е необходимая трансформация постсоветского общества, по моему мнению, не была достаточно осмысленна. Отчасти потому, что советские формы и смыслы жизни не были изжиты в *слове*.

В результате не завершенные споры 1990-х годов, захлебнувшиеся в бурных волнах неожиданного рынка, не разрешенные тогда принципиальные вопросы частного и общего существования не исчезли, но продолжают преследовать нас сегодня, в сопровождении болезненного эмоционального шлейфа, который гасит реальную дискуссию, разрывает общество и по-прежнему не имеет единственного спасительного *выхода в слово*. Если в начале 2000-х, по словам тогдашнего спикера, парламент был «не местом для дискуссий», то сегодня и СМИ, и даже Интернет можно назвать дискуссионными площадками лишь с натяжкой, так как там скорее реализуются амбиции, идеологические и политические разработки, а также бесконечное сведение счетов, градус агрессии которых стремится к бесконечности. Формальные институты не работают – регулирующие органы (как и правосудие в целом, к сожалению) не реагируют на агрессию в большинстве случаев, но яростно атакуют очевидных критиков политического мейнстрима и просто независимые голоса. Прежде маргинальные воинственные группы, не встречая сопротивления, претендуют на выражение «голоса народа». И никто не готов к спокойному диалогу с учетом того,

что культура диалога у нас так и не сформировалась за двадцать с лишним постсоветских лет. Мы остались по сути советскими людьми – даже те, кто родились после исчезновения СССР. В обществе не выработался новый тип идентичности, иначе говоря, отличный от советского поведенческий стереотип. И фрустрация, имеющая очевидные причины (ухудшение материального положения, сокращение социальной сферы, рост числа платных услуг, тотальная коррупция, невозможность большинства реализовать свои профессиональные и творческие возможности, и многое другое плюс неотступный страх за будущее близких) – поднимает из глубин подсознания милитаристские символы и знаки, которыми пронизано сегодня все публичное пространство. Советский тип, по моему мнению, – милитарист по определению, даже если он не помнит про идею мировой революции, он всегда – в кольце врагов, он всегда должен быть начеку, его воинственность искупает все прочие несовершенства. Родители сегодняшних молодых, как и я в свое время, учились в школе разбирать автомат Калашникова, а в институте – писать пропагандистские листовки, деморализующие врага, и перевязывать раненых. Наверное, сегодня изучают, как спастись от террористов. Это в мозжечке у поколений и не исчезнет быстро. Как сказала в последнем интервью Светлана Алексиевич: «Можно сказать, что мы – военные люди, и любая неудача возвращает нас назад. Сейчас мы отброшены почти в Средневековье. Когда я ехала по Москве прошлым летом, то видела огромное количество людей, которые стоят, чтобы увидеть какой-то религиозный обряд. Чьи-то мощи, кажется. Это – форма побега от того, что происходит вокруг сейчас. В какой-то момент мы сошли с нормального пути, на который, казалось бы, стали, и, в общем, так и не шагнули в 21 век. Я помню, как в 2000 году ездила в Европу, как нам там радовались, как говорили, что «наконец-то вы с нами». Мы должны понять, как снова стали людьми войны, забыли то, о чем рассказывали нам отцы».¹ За пацифизм и критику военных действий Нобелевскую лауреатку тут же назвали в официальных СМИ русофобкой. Впрочем, все русские нобелевские лауреаты по литературе без исключения, – от Бунина до Бродского подвергались поруганию, даже вполне правоверный Шолохов. Современный милитаризм разнонаправлен, он агрессивен по отношению к инакомыслящим по соседству не менее, чем к далеким боеголовкам; он стремится унифицировать и подчинить все сущее, любое человеческое проявление, любую попытку свободного разговора. Он присущ не только официальной пропаганде, но и критикам существующей политической практики, мужчинам и женщинам, он возрождает культ и эстетику войны, метит пространство новыми и новыми истуканами милитаризма.

Как сказала Алексиевич, знак «коллективного Путина» является причиной всего происходящего сегодня. «Коллективный Путин» вбирает в себя новых и новых индивидов, включая тех, кто и не думал шесть и десять лет поддерживать магистральный курс. Недавние выборы в России показали это отчетливо. Милитаристский дискурс был востребован прошлым, на что с энтузиазмом откликнулись современные власть и пропаганда, только используемого, естественно, в своих интересах. Возрождение культа Сталина – скорее символическая квинтэссенция милитаристского импульса, чем реальное стремление воспроизвести сталинский опыт. Об этом свидетельствуют данные «Левада-центра»: большинство тех, кто поддерживал «ресталинизацию» (кстати, многие из них – потомки репрессированных, раскулаченных и расказаченных) приветствовали воинственный образ страны в мире, но совершенно не считали возможным вторжение сталинских практик в собственную повседневность. Это «раздвоение сознания», определённая сюрреалистичность представлений о себе, стране и мире – знак времени.

Феминистки и война

7 февраля 2015 года мы с Ириной Жеребкиной выступали на круглом столе «СМИ как фактор общественного диалога: гендерные аспекты» – с одним на двоих докладом о гендерных сюжетах в украинской и российской прессе. Вопрос из аудитории к Ирине – почему женщины двух стран до сих пор не встретились и не попытались остановить войну?

Она ответила – сегодняшняя ситуация в Украине особенная, так как многие из тех, кто еще недавно позиционировали себя как феминистки, сегодня – по аналогии с советскими женщинами – стараются не отставать от мужчин в желании воевать. Можно сказать, что, подобная советской, современная украинская феминистка, с которой ассоциируются женщины из «Женских сотен»,² забывает о недавних заверениях о том, что феминистская солидарность выше национальной и политической. Но есть и другие, продолжала Жеребкина, женщины. Это солдатские матери, которые не хотят участвовать в войне – ни в идеологической, ни в реальной. Не хотят, чтобы их сыновья шли на фронт. И именно они ведут себя как раз как феминистки. Не знаю, насколько удовлетворил ее ответ спросившего, но аудитория немедленно погрузилась в бессвязное и очень эмоциональное, как всегда в последнее время, обсуждение реалий украинской и российской

исторической и политической практики, забыв о феминизме и гендере, и о нашем докладе.

Наши с Ириной тезисы по сути были зеркальными – в российской и украинской прессе и медиасреде отчетливо просматриваются две полярные тенденции. Одна – подчеркнуто маскулинистская, развивающая женский агрессивный образ воительницы–победительницы (апофеозом можно считать репортаж молодой журналистки Анастасии Поповой, въезжающей в захваченный правительственными войсками Асада сирийский город на танке). Этот образ, в принципе противоречащий всем нормам и канонам журналистики, был развит многократно в российских СМИ. Попова награждена орденом за проявленное мужество и давно уже вещает из Брюсселя, но юные и куда менее подготовленные корреспондентки «Лайфньюс» практически в каждом сюжете из Украины воспроизводят тот же мессидж: они также гордятся тем, что участвуют в разливе «коктейля Молотова» в стане ополченцев или, например, нарываюся на агрессию в толпе радикальных националистов. Никто из них не думает о тех журналистах, которые могут стать объектом агрессии как раз благодаря их безответственным действиям. О журналистской этике речь не идёт. Не случайно юные девушки-журналистки в зонах конфликтов работают за смешные для выпускников столичного журфака деньги на временном контракте, не имеют ни страховки, ни подготовки, но имеют страстное желание быть в кадре – и на передовой! Изогранный и подлый сексизм руководителей канала, эксплуатирующих и буквально подставляющий под пули молодых журналисток – предмет отдельного разговора и, надеюсь, в итоге судебного разбирательства. Женщины в репортажах официальных СМИ в зоне конфликта – это или жертвы войны, или повторяющие советское бессознательное воительницы проекта «Невидимый батальон».³

Альтернативная позиция также есть, хотя в государственных СМИ она представлена значительно слабее. Это «доктор Лиза» Елизавета Глинка. Её поездки в Донбасс с гуманитарной миссией традиционно стремились превратить в аргумент идеологического противостояния, в то время как оппоненты российской официальной позиции зеркально торопились обвинить ее в пособничестве агрессии. Но самый яркий пример – это, по моему мнению, практика ЛИЧНОГО творческого и профессионального противостояния агрессии и насилию Виктории Ивлевой. Вика Ивлева – моя однокурсница, прекрасный фотограф, лауреат европейской премии «Золотой глаз», норвежско-германской «Фритт Орт», СЖР и многих других снимала вместе в «Международным Красным крестом» войны в Африке и Центральной Азии, осуществила ряд уникальных проектов в про-

странстве бывшего СССР и РФ. В прошлом году самостоятельно проехала с запада до востока Украины, писала и снимала. Её герои не политики, а самые простые люди. Вика печатает в Интернете и «Новой газете» заметки и снимки. Последние месяцы помогает адресно в луганской и донецкой областях дому престарелых и психбольнице, которые покинули врачи и служащие, привозит лекарства больным, вывозит детей – на средства, собранные в Интернете. Не считает себя феминисткой, но практика Вики, по моему мнению, – абсолютно феминистская. Более того, её деятельность находит наибольшее количество откликов в обеих странах. Что до солдатских матерей, то их голос слышен, но не громко, национальное движение раздроблено, а организация «Солдатские матери Санкт-Петербурга» объявлена иностранным агентом.

Вопрос – почему нет до настоящего времени диалога женщин двух стран?

Хорошо помню, как в 1994 году в Москву, к нам, в Ассоциацию журналисток, которую мы придумали в начале 90-х с Ирой Юрна, приехали женщины из Армении, Грузии, Азербайджана и хотели с нами встретиться. Мы встретились в офисе Фонда Макартуров. Никогда не забуду эту встречу. Участницы встречи не то чтобы волновались – они были как натянутые струны, им невероятно трудно было сидеть за одним столом, и они пересиливали себя. Однако все – без исключения – понимали, что должны сделать этот важный шаг, и сделать это во имя своих детей и близких, во имя своих стран, во имя будущего... Судьба участниц сложилась по-разному, одни стали впоследствии видными оппозиционерками и узницами совести, другие примкнули к доминирующим политическим движениям, третьи ушли в творчество. Но этот порыв женщин спасти близких и спасти саму возможность диалога для меня до сих пор незабываема – потому что был продиктован не политической целесообразностью, и даже не инстинктом, но верой в возможность солидарности женщин. О солидарности в 1995 году говорили на конференции «Женщины в этно-политических конфликтах», которую организовала наша же «Ассоциация», в которой приняли участие женщины из Сербии и Хорватии, Чечни и Грузии, Чехии, Словакии, других стран. Тогда же началось сотрудничество солдатских матерей России и чеченских женских организаций, впоследствии они сформировали движение «Эхо войны» и сделали немало важных дел – освобождение солдат и узников, так называемых «террористов», поиск тел погибших, реабилитация вчерашних солдат, программы для учителей школ Чечни и Ростовской области. Всё это свидетельствует о толерантности и уважению к соседу. Я писала о них. Я провела много времени с этими женщинами,

очень разными, и помню все наши встречи в Москве, Ростове, Ставрополе, Дубровнике, Варшаве, Гааге и других городах. Мне казалось совершенно естественным, что чеченки и русские вместе хотят противостоять войне и вместе строить новую коммуникацию, вне языка вражды и агрессии.

В 1995 году в Пекине на самой большой в истории конференции женщин под эгидой ООН (40 тысяч женщин собрались в Китае!) я говорила об этом на «Радио Мария» Марии Соареш, прекрасной журналистке из Коста Рики. В ответ на ее вопрос о причинах чеченской войны ответила просто – никакого национализма и исламизма на самом деле в ее основе нет, вся проблема – в финансовых интересах и ценах на нефть. «Ты готова об этом сказать в эфире?» – переспросила Мария. Я даже удивилась этому вопросу – конечно же! И много раз потом, когда заходила речь об этно-политических и конфессиональных конфликтах, мне казалось странным упускать это важнейшее обстоятельство – деньги и грубый финансовый интерес, который объединяет или противопоставляет представителей самых разных конфессий и этносов. Женщины оказываются в этой ситуации неизменно проигравшими, их интересы никто не принимает в расчет. И не будут. Будут использовать образы женщин в пропаганде. И делать все для того, чтобы они не поднимали ни головы, ни голоса.

Почему феминистки Украины и России не объединились против войны?

А было кому объединяться? В России феминизма как движения не существует, отдельные группы разрознены и не дружелюбны, не имеют связи с гражданскими немногочисленными группами, не артикулированы и с трудом распознаются. Женское движение как таковое не существует в масштабе страны, оно размыто и не имеет политической повестки дня. Желаящие принять участие в диалоге с украинскими коллегами есть и были. Однако их мало, и попытки организовать такой диалог не увенчались успехом, хотя и предпринимались почти целый год. Политизированные участницы гендерной фракции «Яблока» выступали против войны и даже использовали украинскую символику, но не сильно продвинулись в плане реального диалога и встреч. Украинские же феминистки, в том числе участницы международных инициатив в области гендерного равенства, вроде бы проявили интерес, но не продвинулись в практике диалога.

Диалога не состоялось

Даже во время грузинской войны такой диалог был, существовали феминистские солидарные публикации и обсуждения.

Потому что феминизм в основе своей – противник силового противостояния и ненависти. По крайней мере, я так понимаю.

В 2009 году в Москве собрались журналистки 20 стран, освещающие постконфликтные ситуации в мире. Израиль и Палестина, бывшая Югославия, Италия, Бельгия, Германия, США, Индия, Шри Ланка, Непал, Иран, Грузия, Таджикистан, Казахстан – журналистки приехали из самых разных стран, но их объединяли общие принципы и похожая практика. Во-первых, все они, не зная друг друга, оставались в зоне конфликта дольше мужчин, писали и снимали не только традиционные сюжеты о захваченных высотах и геополитическом противостоянии, но о судьбах гражданских людей, вовлеченных в конфликт, о детях и женщинах. Человеческое измерение драмы возникало именно в женских репортажах, определяя их популярность. Более того, оставаясь после конфликта в бедствующей стране, женщины-журналистки писали о трудном процессе восстановления жизни и нередко участвовали в ней – помогали гуманитарным организациям, различным женским инициативам. Иначе говоря, именно женщины участвовали в создании языка мирного общения после конфликта. И этот опыт, как нам казалось, может быть востребован мировой журналистской в целом, изменить ее вектор. Знаменитая Глория Стайнем, впервые приехавшая в Россию по моему приглашению, прочитала блестящую вводную лекцию для участников конференции о роли журналисток в создании образа современности. Жаль, что этот опыт, получивший огромный резонанс, не получил продолжения – у ЮНЕСКО, нас тогда поддержавшего, нет средств на такие проекты.

Но дело не в этом. Мы все равно продолжим. Главное – понять, прочему именно сейчас, через 20 лет после Пекинской конференции, которая дала много энергии феминистским и гендерным проектам и движениям во всем мире, мы не можем надеяться на полноценный диалог феминисток России и Украины – стран, еще недавно не мысливших себя друг без друга.

Я лично пока не нахожу ответа. И это меня сильно смущает. Я не верю, что феминистская составляющая совершенно исчезла в постсоветском пространстве.

Я счастлива тому, что участвую в *единственном* на сегодняшний день постоянно действующем диалоге журналистских организаций России и

Украины. Но гендерная составляющая в этом диалоге ничтожна. И женщины-участницы диалога подчас более трудные собеседники, чем мужчины.

Ирина Жеребкина верит в солдатских матерей Украины, в их солидарность.

Я верю в то, что правда Виктории Ивлевой одолеет лицемерие и ложный пафос «девушек на танках», и поможет понять очевидное.

Я верю, что 20 лет после Пекинской конференции и 25 лет после Первого независимого женского форума в СССР не пропали даром. Верю в то, что трудный путь, вмещающий огромное количество потерь, включает в себя и некоторые обретения. Иначе говоря, этот путь означает развитие по спирали, а не примитивный обратный ход.

Я говорила об этом в ноябре 2015 года в Вашингтоне, на круглом столе «Женщины как носительницы языка мира после конфликтов» Института Кеннана, в котором приняли участие ветераны женского миротворческого процесса – грузинка Юлия Харашвили, председатель «Союза женщин Дона» Валентина Череватенко, представительницы грозненского «Синтема» и украинской «Ла Страды». Много из сказанного, особенно рассказ Харашвили о беженках из Сухуми, о работе с женщинами в Абхазии и Южной Осетии, прозвучало для американских участниц и настоящим открытием. Выступление Валентины Череватенко, совершившей несколько поездок в зону активного конфликта на востоке Украины и интервьюировавшей женщин самопровозглашенных республик, вызвало резкую критику украинских коллег. Общей платформы по востоку Украины не возникло. Как не случился и диалог российских и украинских женщин-журналисток даже в рамках диалога профессиональных организаций «Две страны – одна профессия», который существует с весны 2014 года под эгидой офиса представителя по свободе СМИ ОБСЕ. Даже такая тема как насилие в отношении женщин в зоне конфликта не создает общей платформы. Не раз украинские коллеги утверждали, что факты насилия по отношению к мирному населению зафиксированы только со стороны «сепаратистов», но отсутствуют со стороны воинов АТО. Диалог не развивается.

Богиня войны разделяет женщин. И в голосах женщин – популярных ведущих национальных каналов российского ТВ Ирады Зейналовой, Ольги Скабеевой, Анны Прохоровой – уже регулярно звучат стальные ноты, категоричные суждения и агрессия. Что касается Сирии, то туда профессиональные женщины-корреспонденты давно не приезжают, репортажи ведут мужчины в бронезилетах, то есть вполне в жанре традиционного репортажа. «Журналистика мира» в последнее время явно терпит поражение.

Заключение. Слово на букву X

«В нашем обществе идет печальный процесс расчеловечивания. Но есть и люди, которые всеми силами стараются этот процесс остановить, вернуть утраченную способность видеть чужое горе, сострадать боли и несчастью, пытаться сделать все, чтобы в нашем окружении стало меньше социального зла.

Женщины по своей природе всегда были более сострадательны к ближним, но и менее организованы, чем мужчины. Такое мощное сообщество, как армия, было создано исключительно мужчинами. Движение женщин по «смягчению» жизни редко принимало какие-то общественные формы, хотя существовало в мире всегда.

Мы, группа женщин, хотели бы, чтобы стихийное женское сострадание стало более осознанным и – таким образом – более эффективным. Помочь этому процессу сможет общественное женское движение. Оно по сути стихийно существует, но будет эффективнее, если станет осознанным. В нашем обществе есть больные места, можно сказать, язвы, и на них нельзя закрывать глаза.

Мы предлагаем совместными усилиями провести ряд программ, чтобы смягчить жестокость и гуманизировать наше общество – антивоенную, гуманитарно-тюремную, судебную, медицинскую сферы жизни. Давайте решать общие проблемы вместе. Отчасти это уже происходит: создано множество благотворительных фондов и организаций, большая часть работы в которых реализуется женщинами. Сделаем это движение массовым.

Мы будем рады, если к нам присоединятся мужчины. В конце концов, у нас есть опыт удачного взаимодействия, доказательство чему – наши дети, плоды наших совместных действий. Людмила Улицкая, по поручению инициативной группы».⁴

Этим программным обращением открывается веб-страница нового движения «Март». Инициативная группа – известные правозащитницы, адвокат Крина Москаленко, автор приведенного текста писательница Людмила Улицкая, журналистка Зоя Светова, актриса Лия Ахеджакова и другие узнаваемые фигуры. О том, что группа создается, я слышала еще перед Новым годом, даже читала проекты программ, о которых написала в своем обращении Людмила Улицкая. Я считаю, что это прекрасное начинание, особенно в сегодняшней ситуации, когда язык ненависти повсеместен. Не беда, что организаторы чувствуют себя пионерками, не зная толком о богатой и разнообразной практике, существующей в последние двадцать с лишним лет. Не страшно и то, что все инициаторы – известные оппозици-

онерки, и едва ли им удастся повести за собой женские массы. Женщины в современной России – опора не столько миротворчества, сколько вполне агрессивных и ретроградных практик: достаточно вспомнить демонстрации казачек, требующих линчевать «Пусси Райот», митинги противниц абортот и тысячи подписей протеста против принятия закона о предотвращении домашнего насилия. Кто-то участвовал в этих акциях из корыстных побуждений, кто-то – в силу личной неустроенности и потерянности, но многие – по зову сердца, искренне полагая, что возвращение к привычному патриархату гарантирует устойчивость и «порядок». Выступления женщин-депутатов в защиту репрессивных мер уже стали общим местом: в числе топовых номинантов «Сексиста года» последних лет – известные депутатки и чиновницы; в номинации «Женщины против женщин» в 2016 году победила Валентина Матвиенко, в 2017 году – Ирина Яровая. Так что инициатива правозащитниц вполне своевременна, несмотря на навязанный эссенциализм.

Тревожит другое. На сайте «Марта» нет ни слова о депутате Слуцком, которого массовые СМИ уже окрестили «русским Вайнштейном» – председателе комитета по международным делам, уличенным в систематических сексуальных домогательствах по отношению к журналисткам ряда изданий. Даже «лицо российского МИДа» Мария Захарова на «Эхе Москвы» поделилась личными впечатлениями о беспределном хамстве и унижении женщин со стороны депутата, который уже давно известен как зарвавшийся хам по ряду эпизодов, которые до этого пока никто не называл харассментом. Отказ депутатского корпуса наказать или хотя бы осудить Слуцкого, равно как и мнение «женского клуба» ГД о том, что журналистки должны одеваться скромнее и не провоцировать мужчин внешним видом, шокировали многих коллег. Более 30 известных СМИ объявили депутату бойкот, ассоциация «Свободное слово» призвала наказать Слуцкого, независимый профсоюз журналистов и работников СМИ обратился в Совет Европы с призывом бойкотировать Слуцкого и всех, кто его поддерживает; студенты МГУ потребовали лишить его позиции зав. кафедрой; к бойкоту присоединились популярные блогеры.⁵

А новая женская гуманитарная организация молчит. Как будто разделяя старое мнение российских правозащитников о том, что гендерные проблемы к правам человека не имеют отношения. Даже сбор подписей «Свободного слова» под заявлением с требованием наказать Слуцкого вызвал значительно больше дискуссий, чем все другие заявления. К счастью, Людмила Улицкая присоединилась к подписантам. Однако некоторые защитники права не решились поддержать отважившихся пожаловаться жур-

налисток, как будто речь не идет о вопиющем нарушении прав женщин-работников СМИ. Точно так же, как многие не поддержали выступившую ранее на том же «Эхе» Евгению Альбац, главного редактора «Нью Таймс», которая рассказала о повсеместной практике домогательств в лучших советских и российских СМИ. Более того, в адрес Альбац посыпались оскорбления. Как написал в блоге на «Эхе» Антон Орех, «дело Слуцкого – своего рода тест, проверка профессионального сообщества. Тест пока показывает крайне низкую степень солидарности в защите своих прав. А также - неготовность обсуждать гендерную повестку дня в любом случае».⁶ Это же подтверждает последнее исследование АНРИ-медиа и шведского Института журналистики ФОЙО. И это несмотря на то, что женщины составляют более 80 % от всех работников СМИ и большинство руководителей СМИ в регионах России! В то же время их заработок на 30% меньше мужского, дискриминация присутствует на уровне повседневности. Однако и в этих условиях гендерная сознательность женщин, понимание гендерного разрыва стремятся к нулю.

К сожалению, восприятие гендерных сюжетов в правозащитной среде мало чем отличается от ситуации в журналистском сообществе.

Боюсь, пока это будет продолжаться, говорить о реальной перспективе преодоления не только стереотипов, но и всеобщей милитаризации сознания и публичного пространства, рано.

¹ Алексиевич Светлана. «Мы совершенно не готовы к будущему», *Новый журнал*, Апрель 28, 2018 <http://newreviewworld.com/mi-sovershenno-ne-gotovi-k-budushchemu/>

² См. фб страницы сообществ «Жіноча сотня» <https://www.facebook.com/zhinocha.sotnya/>

³ См. Євгенія Олійник. Від «Жіночої сотні» до «Невидимого батальйону»: як воюють українки / *Радіо Свобода*, 4.12.2015 <https://www.radiosvoboda.org/a/27407511.html>

⁴ См. Улицкая Людмила, Общественное женское движение Март <https://www.facebook.com/dvizhenie.mart/>

⁵ См. Медведев Сергей. «Харассмент федерального значения», *Радио Свобода*, 14.03.2018 <https://www.svoboda.org/a/29097170.html>

⁶ Орех Антон. «Теперь они имеют право нас насиловать», *Эхо Москвы*, 21.03.2018 <https://echo.msk.ru/blog/oreh/2169930-echo/>